

ПРАВО В КОНТЕКСТЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. И. ЭКИМОВ*

В статье анализируется природа справедливости в праве. По мнению автора, источник справедливости носит вполне «земной», познаваемый характер и коренится в реальных или мнимых интересах людей. Вместе с тем положение об обусловленности представлений о справедливости интересами, будучи методологически значимым, само по себе не объясняет ни одной конкретной ситуации. Необходимо знать, какие интересы и каким образом воплощаются в соответствующих правовых установлениях. Представления отдельных субъектов о справедливости с большей или меньшей адекватностью отражают, прежде всего, их собственные интересы. И куда реже они способны адекватно оценивать действия других лиц, общественных движений, государственной власти. Однако любые частные интересы неизбежно восходят к более общим интересам — групповым, корпоративным, общественным, которые отнюдь не монолитны по своей структуре, внутренне противоречивы и рано или поздно неизбежно «возвращаются» к частным интересам.

Справедливость выступает как своего рода отражение многообразных интересов, поэтому представления о ней столь же изменчивы, как и представления об интересах. Исследователи, которые делают акцент на обусловленности права идеей справедливости, неизвестно каким образом сформировавшейся, не в состоянии ответить на вопрос, почему требования справедливости изменяются. Наука должна либо признать свое полное бессилие в решении данного вопроса, либо предложить иную концептуальную схему, нежели просто признание некоей вечной справедливости, существующей в природе человека, в природе вещей и определяющей «подлинность» права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идея права, идея справедливости, волевая теория права, интересы и справедливость в праве, традиция, правовые аксиомы, юридическая наука.

EKIMOV A. I. LAW IN THE CONTEXT OF JUSTICE: TOWARD A RESEARCH METHODOLOGY

This article analyses the nature of justice as reflected in law. In the author's opinion, the source of justice has a quite natural and knowable character and is rooted in real or assumptive interests of people. However, the provision that the conception of justice is conditioned by interests, though per se methodologically significant,

* Экимов Анисим Иванович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского государственного торгового-экономического университета.

Ekimov Anisim Ivanovich — doctor of legal sciences, professor, head of the department of theory and history of state and law of the Russian State University of Trade and Economics.

© А. И. Экимов, 2013

E-mail: ekimov007@mail.ru

accounts for no particular situation. Also it is necessary to know which interests are embodied in the appropriate legal determinations and how they are embodied. Individual perceptions about justice, firstly, reflect their own interests more or less adequately. And more rarely they are able to assess the actions of other individuals, social movements and state power adequately. Private interests inevitably go back to more common ones — group, corporative, social. The latter are not solid in structure, self-contradictory and sooner or later inevitably “return” to private interests. Justice is a kind of reflection of various interests, that is why conceptions of justice are as variable as conceptions of interests. Scientists who focus on the conditioning of law by the idea of justice, the formation of which is unknown, are unable to answer the question of why the requirements of justice change. Science must either admit its complete helplessness in this matter or offer a different conceptual framework, rather than just a recognition of some eternal justice which exists in the human nature, in the nature of things and determines the “authenticity” of law.

KEYWORDS: idea of law, idea of justice, will theory of law, interests and justice in law, tradition, legal axioms, legal science.

В последние годы в России стало привычным слышать о том, что право по своей природе может быть только справедливым, а то, что несправедливо, не может претендовать на его роль. Такая интерпретация права, имеющая своим началом естественно-правовые концепции, безусловно, возвышает его среди мира иных социальных норм. Но опасаясь, что она столь же нереальна, как и прочие социальные утопии. Между тем, как обоснованно подчеркивает профессор Тюбингенского университета (ФРГ) Отфрид Хеффе, справедливость — это фундаментальное понятие нравственной критики государства и права. С его позиции должны оцениваться все институты государства и права, всякая деятельность государственных и общественных образований. Только с помощью справедливости «законные, легитимные государственные и правовые формы отличают от незаконных, нелегитимных».¹

Люди во все времена знали, что такое несправедливость по отношению к ним. Нельзя забывать, что к справедливости обычно обращаются лишь в конфликтных ситуациях или тогда, когда требуются социальные перемены, когда личность, социальная группа или все общество приходят к выводу, что «так жить нельзя» и «иного не дано». Однако если первая из этих формул встречает всеобщее понимание в обществе, то относительно второй достаточно скоро наступает «прозрение». Разные люди по-разному понимают это «иное», и через некоторое время общество вновь должно пережить стадию «так жить нельзя». Каждый раз оказывалось, что постулат или образ справедливости, еще вчера вдохновлявший людей, сегодня посрамлял себя только затем, чтобы иной постулат или образ справедливости стали новым вдохновляющим фактором. Те исследователи, которые делают акцент на обусловленности права идеей справедливости, неизвестно каким образом сформировавшейся, не в состоянии ответить на вопрос, почему требования справедливости изменились. Наука должна либо признать свое полное бессилие в решении данного вопроса, либо предложить иную концептуальную схему, нежели

¹ Хеффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994. С. 3.

просто признание некоей вечной справедливости, определяющей содержание права.

Между тем, давно уже сказано, что идея неизменно посрамляет себя, когда отделяется от интереса. Это утверждение в полной мере относится и к пониманию справедливости. Истоки идеи справедливости бессмысленно искать в чем-либо ином, нежели в интересах. Во всяком случае, до сих пор поиски в иных направлениях были еще менее результативными.

Однако положение об обусловленности представлений о справедливости интересами, будучи методологически значимым, само по себе не объясняет ни одной конкретной ситуации. Необходимо еще знать, какие интересы и каким образом воплощаются в соответствующих правовых установлениях. Представления отдельных субъектов о справедливости с большей или меньшей адекватностью отражают прежде всего их собственные интересы. И куда реже они способны адекватно оценивать действия других лиц, общественных движений, государственной власти. Но и здесь еще не все просто. Частные интересы неизбежно восходят к более общим интересам — групповым, корпоративным, общественным, которые отнюдь не монолитны по своей структуре, внутренне противоречивы. Отношения между этими интересами — отношения взаимопроникновения. Одни из них существуют через другие, неизбежно «возвращаясь» к частным интересам. К тому же и сами частные интересы внутренне противоречивы. Наличие у конкретного индивида одновременно множества различных интересов ведет к конфликту между ними, к необходимости выявления первоочередных в ущерб другим, к ошибкам в выборе. Противоречивы и групповые, общественные интересы. При этом, конечно, важно иметь в виду и другую сторону взаимодействия интересов, которая выражается в их совпадении, вследствие чего становится возможным социальное сотрудничество.

Таким образом, взаимодействующие интересы в качестве основы справедливости имеют сложную конфигурацию: одни интересы отвергаются, другие, напротив, становятся приоритетными, но изменяются в ходе взаимодействия с иными преследуемыми интересами. Может статься, что конкретные представления о справедливости действительно напрямую отражают те или иные интересы. Однако вполне вероятно и другая ситуация, когда они настолько отрываются от интересов, что выглядят как нечто стоящее над ними. Именно поэтому создается впечатление, будто они имеют свой источник вне мира людей. Причем во имя этих представлений люди могут действовать даже против своих непосредственных интересов.

Однако рано или поздно ценности всегда «приземляются» к интересам. Вследствие этого то, что признается справедливым сейчас, не обязательно будет считаться таковым завтра. Поэтому правовые нормы не бывают бесспорными ни в момент их установления, ни в момент их реализации. Лишь в той мере, в какой имеет место солидарность, согласованность интересов и ценностей различных индивидов, групп, возможно то решение проблемы, которое всеми признается справедливым.²

Проблемы соотношения справедливости и права приобретают особое значение в условиях глобализации, которая, как известно, осуществляется на основе западных цивилизационных стандартов. Россия не принимала участия в их формировании, поэтому не удивительно, что они не всегда признаются у нас безоговорочно. Например, с трудом решается

² Ильин И. Национальная Россия: наши задачи. М., 2011. С. 313.

вопрос об отказе применения смертной казни. Время от времени в обществе весьма громкими становятся голоса тех, кто требует восстановления смертной казни в отношении террористов или убийц. И тогда правительству (возможно, самому влиятельному «европейцу» в нашей стране) становится трудно противостоять такого рода призывам. Или еще один пример. Православная церковь, считая справедливым равенство между мужчиной и женщиной, тем не менее, возражает против права женщин быть епископами. По-своему она относится и к частной собственности, не считая ее высшим идеалом. Главное для православной церкви — не то, кому принадлежит собственность, а то, как ею распоряжаются. Собственником всего, по мнению православной церкви, является Бог. Отчасти и по этой причине время от времени в нашей стране разворачиваются дискуссии вокруг вопроса о пределах допущения частной собственности.

Не в последнюю очередь с самого начала реформ под влиянием национальных особенностей восприятия справедливости в России сложился карикатурный образ капитализма. Ложь о неизбежности бандитского капитализма, распространявшаяся некоторыми средствами массовой информации, проникла в сознание различных групп населения. И теперь идее государства как «ночного сторожа» рыночной экономики массовое сознание вряд ли может безоговорочно доверять.

В России долгое время существовала традиция рассматривать право как своего рода волю. И это притом, что волевая теория права подвергалась ожесточенным атакам со стороны ее противников. Наверное, в историческом плане самой громкой была критика выдающегося германского правоведа Р. Иеринга. Ученый считал, что волевая теория ничего не объясняет, ибо она игнорирует тот факт, что главным двигателем права является цель. Этой проблеме была посвящена одна из самых знаменитых правоведческих монографий XIX в. — «Цель в праве».³ Впоследствии Р. Иеринг уточнил свои аргументы. От цели он перешел к интересу, который и стал в его теории главным фактором появления и «движения» права.

Между тем, подлинный секрет волевой теории права был раскрыт много времени спустя после ухода Р. Иеринга из науки. Оказалось, что волевая теория значительно глубже по своему характеру, чем виделось современникам ее автора. Это стало очевидным, когда внимание исследователей было обращено к структурированию понятия воли.

В отечественной юридической науке долгое время структурный анализ самой воли фактически не проводился. Обычно ограничивались указанием на то, что воля имеет целенаправленный характер. Действительно, цель имеется в любой воле. Невозможно говорить о волевых действиях и при этом игнорировать присущую этим волевым действиям цель. Это хорошо известно юристам, изучающим мотивы тех или иных поступков. Изучить мотивы — значит изучить те ближайшие или отдаленные цели, ради которых данные поступки совершаются.

Всякая цель, как полагают многие ученые, это любой заранее мыслимый результат деятельности, а правовая цель — это заранее мыслимый результат деятельности, осуществляемый с помощью правовых средств. Возникает вопрос: можно ли ставить любые цели, могут ли быть цели произвольными? Ответ на этот вопрос связан с уяснением источника и природы целей, а точнее — их объективного источника и субъективной

³ Иеринг Р. фон. Цель в праве // Иеринг Р. фон. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. СПб., 2006. С. 87–436.

природы. Цели всегда объективны по своему источнику, ибо направлены на удовлетворение реально существующих интересов и потребностей. Если бы цели были произвольны по своему источнику, то человечество просто-напросто погибло бы.

Р. Иерингу принадлежит методологически важный вывод о том, что неверно изучать проблему воли и целей в праве как неких самостоятельных субстанций. Пытаясь изучить «двигательную силу» целей, он пришел к заключению, что единственной двигательной силой поведения людей являются интересы. И оказался не вполне прав. Интересы действительно выполняют эту роль, но не только интересы. Цель, как уже говорилось, имеет объективный источник и субъективную природу. В той мере, в какой правовые цели определяются объективным источником, они обусловлены исключительно интересами. А в той мере, в какой характеризуются субъективной природой, они определяются интересами и требованиями справедливости.

Остановимся на этом вопросе подробнее. На интересы в науке нет единого взгляда. Для одних интерес — это направленность сознания на какой-либо объект материального или духовного мира, стремление индивида овладеть им. Для других интерес — это объект, который удовлетворяет потребность. Некоторые считают, что интерес целиком лежит в плоскости индивидуального осознания потребностей, т. е. субъективен по своему содержанию. Другие утверждают, что интересы вообще могут быть независимы от сознания, т. е. объективны по своему содержанию. Немецкий философский словарь определяет интересы как «ценность и значение, придаваемые нами вещи, которая соответственно этому занимает наши мысли и чувства».⁴ А один из самых известных современных философов Франции Андре Конт-Спонвиль считает, что интерес может быть субъективным и объективным. Субъективный интерес — «форма желания или любопытства, зачатую — сочетание того и другого», а объективный — «это не то, чего мы желаем, а то, чего мы должны желать, если точно знаем, что для нас благо и как его добиться».⁵ Анализ этих подходов показывает, что нельзя ограничивать трактовку интересов одной из упомянутых сторон — поскольку в этом случае коренным образом изменяется научная картина общественных отношений. Если, например, считать интересы только объективными, то получится, что некий демиург за спинами людей определяет их действия, а сами люди лишь исполнители чужой воли. Напротив, субъективизация интересов превратила бы историю, в том числе историю права, в цепь слепых случайностей.

В советской литературе, как известно, существовала тенденция выделять в качестве ведущих материальные интересы. На этой основе давался, например, анализ права с позиции отражения в нем материальных интересов экономически господствующего класса. Но такой подход давал сбои, поскольку было немало случаев, когда на практике не материальные интересы, которые зачастую выглядели как узкоэгоистичные, своекорыстные, ситуативные, а другие побудители выполняли первостепенную роль при формировании правового поведения. Сведение сущности права к охране материальных интересов класса, несомненно, резко сужало возможности права. Оно должно было рассматриваться и рассматривалось как итог развития преимущественно отношений собственности. Эта идея,

⁴ *Философский словарь* / под ред. Г. Шишкоффа. М., 2003. С. 182.

⁵ *Конт-Спонвиль А.* *Философский словарь*. М., 2012. С. 225.

сформулированная видным советским правоведом Е. Б. Пашуканисом,⁶ в конечном счете, трансформировалась в концепцию тотального контроля за поведением личности, которой дозволялось действовать в экономической сфере лишь в рамках так называемой социалистической собственности.

Помимо материальных различают политические и духовные интересы. В СССР они были объявлены производными от экономических интересов и неизменно сводились к ним. Поэтому их анализ призван был показать, что всякое право есть отражение интересов исключительно экономически господствующих классов. Редкий исследователь пытался выйти за пределы этой установки. Например, М. С. Строгович выделял в праве общесоциальный момент, связанный с обслуживанием интересов всего населения. Лишь на закате советской власти общесоциальные характеристики права стали относительно широко изучаться советской теорией права.

Но вернемся к посылке о том, что право недостаточно изучать лишь с позиции интересов. Отечественный философ А. А. Ивин увязал необходимость исследования интересов с ценностями. Он акцентировал внимание на том, что под ценностью следует понимать предмет любого интереса, желания, стремления.⁷ Иными словами, ценности должны раскрываться через характеристики окружающего мира. Но есть и иные взгляды на ценности, например как на представления о желательном типе поведения — системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обязательств,⁸ или как на убеждения относительно целей и средств,⁹ т. е. в этих случаях ценности раскрываются через их принадлежность к внутреннему миру человека.

Л. С. Мамут, рассмотрев эти подходы к ценностям, пришел к выводу, что для использования в государствоведении, а по-видимому, и в правоведении, оптимальна трактовка ценностей как явлений особой реальности, возникающих в результате «сцепки» определенных свойств предметов, и направленных на них потребностей и интересов субъектов.¹⁰ В этой трактовке речь идет о субъект-объектных отношениях, т. е. принимаются во внимание два момента: намерения субъекта (субъективные намерения) и свойства объектов (предметов объективной действительности). Применительно к праву это означает, что учитываются намерения классов, элит, правителей и возможности права и особенности формирования и направленности этих намерений. А. В. Поляков, проанализировав различные подходы к изучению ценностей, отмечает, что «человеческая деятельность невозможна вне ценностного контекста».¹¹

В науке неоднократно ставился и широко обсуждался вопрос о том, являются ли ценности всегда абсолютными или всегда относительными. Согласно точке зрения, идущей от А. Тойнби, ценность всегда относительна.¹²

⁶ Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 113 и сл.

⁷ Ивин А. А. Аксиология. Научное издание. М., 2006. С. 8.

⁸ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. С. 18.

⁹ Смелзер Н. Социология. М., 1998. С. 660.

¹⁰ Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. М., 1998. С. 6. — См. также: Нерсесянц В. С. Ценность права: право как единство равенства, свободы и справедливости // Право как ценность. Материалы дискуссии. М., 2002; Рикер П. Справедливое. М., 2005.

¹¹ Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. С. 320.

¹² Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 14 и сл.

Но такая позиция (и здесь нельзя не согласиться с Л. С. Мамутом) ведет к признанию правильным утверждения, что нет критериев для отличия добра от зла, справедливого от несправедливого.¹³ По всей видимости, имеет смысл говорить о двух видах ценностей: относительных, изменчивых от одной исторической эпохи к другой, и абсолютных, которые сохраняют свое значение на всех этапах истории. К разряду таких абсолютных правовых ценностей относится и справедливость.

При анализе справедливости надо учитывать, что она взаимодействует и с иными ценностями. Вследствие этого оказывается, что представления о справедливости одного и того же субъекта (это в полной мере относится и к обществу) по своей природе противоречивы, подчас взаимно исключают друг друга. Справедливость, как указывал О. Хеффе, конечно не покрывает всех сфер морали, не втягивает их в себя. Поэтому следует иметь в виду, что государство и право отвечают только за справедливость, но не за другие добродетели.¹⁴ Немаловажен и фактор времени, в котором разворачиваются представления, оценки справедливости. Возникая в одном временном цикле, они могут не совпадать со своими аналогами, существующими в другом временном цикле. Главное здесь то, что мера справедливости, видимо, всегда определяется интересом. В свою очередь, выбор интереса в качестве первостепенного диктуется соответствующими представлениями, оценками справедливости. Иными словами, нет интересов, взятых вне связи с представлениями о справедливости. Но нет и представлений о справедливости, которые не связаны с интересами, не оставляют на них свой отпечаток. Именно потому, что в праве отражены разного рода интересы и представления о справедливости, оно многолико и многомерно. Из-за этого право не охватывается в своей цельности ни одним его определением. Видимо, на все времена правильными останутся слова И. Канта: «Юристы все еще ищут определения права».

Необходимо обратить особое внимание на справедливость правовых норм. Эта проблема долгое время почти не привлекала внимания отечественных правоведов, хотя оснований для этого было множество. Обратимся в этой связи, например, к вопросу о соотношении интересов в личности с интересами общества и государства. В советскую эпоху говорили преимущественно о приоритете общества и государства по отношению к личности. В современной России, однако, предпочитают говорить о приоритете личности по отношению к обществу. Но ведь и та, и другая точка зрения с позиции справедливости предстает весьма сомнительной. Если выступают за безусловный приоритет интересов личности, то, хотя того или нет, придают первостепенное значение индивидуальным свободам, которые могут подточить целостность общества или государства. Нельзя забывать, что интересы могут быть эгоистическими, а имеющиеся у личности права — использованы для защиты таких интересов. Именно так рассуждал отечественный правовед-эмигрант И. А. Ильин.¹⁵ Но недопустимо и стремление к безусловному приоритету интересов общества и государства. В этом случае индивид стал бы просто средством для общества и государства. Идея тоталитаризма проистекает из идеи первенства интересов государства.

¹³ Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. С. 38–39.

¹⁴ Хеффе О. Справедливость. М., 2007. С. 39–40.

¹⁵ Ильин И. Национальная Россия: наши задачи. С. 316–317.

Нельзя согласиться и с точкой зрения по данному вопросу Л. С. Мамута. По его мнению, социально-политическое развитие обществ и государств, которому по меньшей мере сопутствуют кризисы, конфликты, потрясения, имеет место тогда, когда достигается паритет прав, свобод и обязанностей отдельного гражданина и «коллективного гражданина».¹⁶ По существу, автор предлагает признать паритетными интересы гражданина и государства, личности и общества. Нам представляется, что такой паритет невозможен в принципе. В одном случае преимущество должно быть за интересами и правами личности и гражданина, а в другом — общества и государства. Речь может идти лишь об установлении гармонического сочетания между ними. Однако такая гармония может быть обеспечена только путем соблюдения всеми сторонами общепризнанных представлений о справедливости. В этом случае справедливость становится объективным критерием для определения приоритетности тех или иных интересов, для выяснения того, какие именно интересы должны прежде всего отражаться в правовой норме. Без решения этой проблемы невозможно выработать приемлемую для государства и граждан конструкцию закона.

Но и здесь не все так просто. Следует иметь в виду, что частные интересы неизбежно восходят к более общим — групповым, корпоративным, классовым и общественным, которые отнюдь не монолитны по своей структуре, внутренне противоречивы. Отсюда их подвижность, способность к новым трансформациям. Отношения между этими интересами — отношения взаимопроникновения. Одни из них существуют через другие, и, в конечном счете, фигурально выражаясь, «возвращаются» к частным интересам. К тому же и сами частные интересы внутренне противоречивы. Наличие у конкретного индивида одновременно множества различных интересов ведет к столкновениям между ними, к необходимости выявления первоочередных в ущерб другим, к ошибкам в выборе. Противоречивы и групповые, общественные интересы, поскольку, как писал О. Хеффе, «группа или сообщество не являются гомогенными образованиями, где благо одних гармонично сочетается с благом других».¹⁷ Конечно, важно при этом иметь в виду и другую сторону взаимодействия интересов, которая выражается не в конфликтах интересов, а в их совпадении, вследствие чего становится возможной, говоря словами выдающегося исследователя проблемы справедливости Дж. Ролза, «социальная кооперация».¹⁸

Необходимо обратить внимание еще на одну проблему: как отражаются в воле субъекта интересы и представления о справедливости? Такое осознание происходит в форме чувств, настроений, эмоций и идей, фиксируемых в виде целей. Иногда высказывается мнение, что эмоции и чувства имеют второстепенное отношение к праву, поскольку образуют лишь первичную мотивационную систему человека — по сравнению с глубоко интеллектуализированной сферой правовой идеологии. Еще Л. И. Петражицкий убедительно отверг такого рода утверждения, находящиеся в русле сложившихся во времена античности представлений о том, что все рациональное — хорошо, а все эмоциональное — плохо. Ныне общепризнано, что эмоциональные процессы составляют тот необходимый фон, на котором складывается и реализуется всякая идея.

¹⁶ Мамут Л. С. Государство в ценностном измерении. С. 6.

¹⁷ Хеффе О. Политика, право, справедливость... С. 42.

¹⁸ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 20.

Эмоция действует как слепая сила, если не сливается в поступке с конкретной идеей. Необходимо подчеркнуть, что интересы, прежде чем стать побудительным фактором, выражаются обычно в намерениях и мотивах. Но только через цели интересы вплетаются в содержание сознательной деятельности.

Правомерно, конечно, поставить вопрос: насколько сами представления о справедливости отражают конкретные интересы? Может случиться, что эти представления есть лишь более или менее адекватное отражение интересов. Однако вполне вероятно и другая ситуация, когда представления о справедливости настолько отрываются от интересов, что выглядят как нечто стоящее над ними. И тогда о них говорят как о «месте свидания с богом», ибо в них субъект приподнимается над повседневностью, уходит в мир идеалов, «свободных» от эгоистических предпочтений. Мотивы представлений о справедливости ценностей становятся неуловимыми, если их не соотносить с интересами. Обращая на это внимание, выдающийся французский социолог Э. Дюркгейм подчеркивал, что граница между справедливым и несправедливым, определяемая миром ценностей человека, неустойчива и может перемещаться индивидом почти произвольно.¹⁹ Причем во имя справедливости люди могут действовать даже против своих непосредственных интересов. Однако рано или поздно представления о справедливости «приземляются» к интересам. Вследствие этого то, что признается справедливым сейчас, не обязательно будет считаться таковым завтра. Научное видение права, отстаиваемое правоведением, не может не учитывать этого факта. Исходя из интересов и представлений о справедливости, правовед конструирует типические модели поведения или образа действий, которые должны иметь место. А затем он, говоря словами одного из известных американских социологов А. Шюца, «заселяет созданную им модель реального мира воображаемыми субъектами».²⁰

Говоря о формах выражения справедливости в праве, особо следует сказать о так называемых правовых аксиомах.

Правовые аксиомы можно определить как общепризнанные требования справедливости, которые с точки зрения морали непременно должны стать частью действующего права. Они складываются как итог длительных наблюдений и обобщений, как результат правовой деятельности человека. Впервые они выкристаллизовались как требования юридически значимого поведения, видимо, еще на этапе возникновения права. По своему содержанию аксиомы не что иное, как простые правила справедливости. В них отражается минимум условий, необходимых для совместной жизни людей. Каждая эпоха, фиксируя в своем сознании уже существующий набор аксиом и принимая часть из них как необходимое условие своего правового состояния, в дополнение к ним вырабатывает новые аксиомы. Парадоксально, что у разных народов, в прошлом никак не связанных между собой, сформировались сходные юридические аксиомы. Именно они стали несущими конструкциями права в современных цивилизованных обществах.

Правовые аксиомы проверены временем, одобрены многими поколениями людей в различных странах. С этой точки зрения их совокупность можно рассматривать как своего рода естественное право, т. е. право, имеющее силу для всего человечества. Поэтому наиболее полный учет

¹⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 6.

²⁰ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1994. С. 494.

и наиболее полная реализация аксиом — это путь к такой глобализации права, которая соответствует интересам всех стран и народов.

Аксиомы, как было удачно подмечено, это своего рода «правила игры». Если их изменить, то придется «играть» уже в другую игру. Сложившиеся аксиомы определяют лицо права, а в конечном счете, характеризуют и его сущность. Они ставят границы поведению человека, заставляют его вести себя так, как это нужно обществу и ему самому как члену общества. Это означает, что отход от правовых аксиом, их несоблюдение может привести к тому, что право... перестает быть правом, оставаясь исключительно мерами прямого принуждения, организованного воздействия.²¹

Таким образом, помимо интересов и представлений о справедливости никакого права и никакой правовой идеологии и, соответственно, юридической науки не существует и в принципе существовать не может. Кто высказал ту или иную правовую идею, тем самым осознанно или нет, но признал наличие каких-то конкретных интересов и представлений о справедливости. Когда кто-то из ученых-юристов говорит: «Я далек от политики», — это не означает, что и на самом деле все обстоит именно так. Невозможно игнорировать тот факт, что выводы ученого отражают своеобразную амальгаму более или менее адекватно осознаваемых им интересов и представлений о справедливости, которые в той или иной степени разделяются соответствующими группами населения, обществом. Как обоснованно подчеркивает западный философ У. Дрей, рациональные мотивы лежат в основе любого объяснения, хотя это не означает, что человек предварительно взвешивает и перебирает в своем сознании ряд аргументов. Достаточно того, чтобы существовала рациональная связь между действиями и мотивами и идеями, которые приписываются соответствующему лицу.²²

Сказанное в полной мере относится к правовым нормам и в значительной степени объясняет, почему, говоря словами Э. Леви, «в определенном смысле правовые нормы никогда не бывают бесспорными; если бы от норм требовалось быть таковыми еще до их установления, человеческое общество вообще бы не смогло существовать».²³ Нормы отражают конкретные интересы и представления о справедливости в момент их принятия. Столкнувшись с новыми проблемами, люди могут предпринять такие шаги, которые ранее не могли быть учтены при принятии нормы. Поэтому содержание нормы находится в постоянном развитии, приспособляясь к изменившейся ситуации. Новые представления людей о явлениях, охватываемых законом, в такой мере отражаются на его содержании, что оно со временем изменяется чуть ли не на противоположное. При этом его словесное оформление может оставаться одним и тем же. Понятия в праве столь же подвижны, сколь изменчива и сама жизнь. Правовая норма, как и музыкальное произведение, в различных ситуациях вызывает различные эмоциональные и интеллектуальные переживания, хотя, как и мелодия, записанная на пластинке, текст правовой нормы не изменяется. В рамках одной и той же словесной формулы обеспечивается новая степень свободы отношений.

²¹ См., напр.: Алексеев С. С. Право и наша жизнь. М., 1978. С. 48; Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы в праве // Правоведение. 1988. № 5. С. 27–31 и др.

²² Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. Сб. статей. М., 1977. С. 44.

²³ Леви Э. Введение в правовое мышление. М., 1995. С. 9.

В случае противостояния интересов и представлений о справедливости оно обычно завершается в пользу интереса. Поэтому вызывают восхищение поступки людей, которые смогли поступиться своими интересами во имя справедливости. Приводя такой пример, академик Д. С. Лихачев писал: «Какое еще восстание мы можем противопоставить декабристскому, в котором вожди восстания действовали против своих имущественных, сословных и классовых интересов, но зато во имя социальной и политической справедливости».²⁴

Как справедливо считал французский правовед П. Сандевуар, содержание права отражает определенный выбор, сделанный обществом в системе политических ориентаций. Главная трудность при этом — не давать возможность политике доминировать над правом. В демократическом обществе правовые процедуры складываются в единую систему, которую власть не в состоянии произвольно нарушить, не нарушая принципов демократии. Поэтому право превращается здесь в элемент, вынуждающий политиков «действовать открыто, справедливо и ответственно».²⁵

Таким образом, невозможно отрицать роль интересов и представлений о справедливости в развитии права. Они определяют, в конечном счете, содержание любого права. Видимая сторона права — это притязания, требования, правила и т. п. А скрытая сторона — интересы и представления о справедливости, которые только и могут объяснить, почему право такое, а не другое. Они определяют «служебную роль» права, его постоянно изменяющийся характер, показывают, почему право в целом может быть выгодно всем, но не выгодно в отдельности кому-то.

²⁴ Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 5.

²⁵ Сандевуар П. Введение в право. М., 1994. С. 64.